

Школа Бывальского

«ПРОШЕДШЕГО ЖИТЬЯ...»

Среди российских учителей есть отряд предметников, которые традиционно отличаются особой совестью, обострённой ответственностью за всё происходящее. Поскольку эти люди отождествляются в нашем сознании с положительными героями классических произведений, то добавлю — и интеллигентностью, скромностью, взвешенностью своих суждений. Как вы уже догадались, речь идёт о словесниках или, как их ещё называют, «литераторах».

Для того чтобы этих милых педагогов вывести из себя, а тем более довести «до белого каления», нужны события из ряда вон выходящие, необычайные. И такое событие недавно произошло. Речь идёт об обнародованном в начале апреля списке пятиста сочинений. Несколько вариантов из него были представлены на выпускном экзамене, в том числе и Едином государственном. Что же возмутило учителей в этом вроде бы безобидном факте? Всё! Прежде всего, то, что перечень тем был представлен за два месяца до начала выпускных экзаменов. Добросовестные учителя должны были каждый день продумывать и надиктовывать своим питомцам как минимум по десять тем экзаменационных сочинений.

Но если бы всё сводилось только к количеству представленных тем сочинений и совершенно нереальным срокам для овладения ими! Наибольшее возмущение педагогов вызвали формулировки предлагаемых тем. Часть из них явно вышла за пределы школьной программы, поэтому подготовка потребовала очень серьёзных дополнительных усилий. В то же время большинство тем оказались настолько одноплановы и прямолинейны, что их названия, очевидно, прямо заимствованы из недавнего прошлого изучения литературы в школе. Вновь всплыла набившая оскомину тема «Прошедшего життя подлейшие черты» (по комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»). Опять «Дикой и Кабаниха. Основные черты самодурства» (по драме А.Н. Островского «Гроза»). Избитая банальная тема, совершенно не волнующая современных школьников и, мягко говоря, противоречащая другим интересным и глубоким трактовкам образа Марфы Игнатьевны Кабановой. В них она представлена как положительный герой, более того — образ трагический: на её глазах рушится семья, она теряет сына, гибнут извечные устои привычной жизни.

Всякий прикидывает пользу, употреблённый на своём месте. Напротив того: ультрафиолетовый лучик мастера в гитаре неуместен; советы опытного астронома в таксае глупы.

Ещё одна категория неприемлемых тем — нарочито возвышенные, избыточно философские и просто сложные. Они доступны лишь очень немногим школьникам. Вот только несколько примеров: «Ахматова первая обнаружила, что быть не любимой поэтично», «Ти-

рания есть привычка, обращающаяся в потребность (Ф.М. Достоевский)» или «Хорош божий свет. Одно только не хорошо — мы (А.П. Чехов)». Эти темы предлагается раскрывать по одному или нескольким произведениям литературы XIX–XX веков. Если у кого-то из ребят получится глубокая работа, то впору закрывать филфаки и начинать отбор в преподаватели литературы прямо со школьной скамьи. Обобщая эти факты, учителя словесности рассматривают происходящее как угрозу изучению литературы в школе.

Вместе с тем, уходя от однозначности оценок, подчеркну, что сам факт предварительного обнародования тем сочинений — акт гуманный и отрядный. Другое дело, что самих-то тем должно быть всё же значительно меньше. И обнародовать их необходимо за два года до проводимых выпускных экзаменов. А сегодня нужно серьёзно подумать о корректировке выбранных тем.

Конечно, оказавшиеся в столь сложном положении выпускники найдут с помощью педагогов какой-нибудь выход, например, используют возможность замены сочинения изложением. Это, конечно, будет выглядеть существенным облегчением участи выпускников, но вместе с тем станет несомненной примитивизацией и снижением духовного накала курса литературы. Ведь изложение не даёт никакого представления о личности выпускника, о том, что он представляет из себя как человек.

Самый же главный урок для всех в том, что опубликованный набор тем сочинений возвращает нас к давнему спору о том, чем является литература в школе и зачем она? Есть несколько ответов на этот вопрос и несколько практик, которые реально существуют в школе.

Первую версию ответа можно назвать литературоведческой. Она превалировала в советской школе и заключалась в том, что детям навязывались некоторые литературоведческие штампы. Очевидно, что в них Горький — «Буревестник революции», а Катерина — «Луч света в тёмном царстве». В этом плане для меня личным шоком стало знакомство с иными взглядами на хрестоматийные литературные произведения. Возникшее чувство протеста заставило меня написать в сочинении на тему «Герой нашего времени» об Остапе Бендере. Сегодня это, наверное, смотрелось бы нормально, а тогда было воспринято как вызов. Не думаю, что именно литературоведческое направление, связанное с изучением мнений критиков, является оптимальным.

Второе направление можно назвать общекультурным. Его сторонники видят в литературе культурно-исторический пласт, с которым необходимо познакомить детей. Эти два близких направления и породили спор о том, каких писателей необходимо изучать в школе и включать как в стандарт, так и в учебный план?

В третьем подходе, окрепшем во времена перестройки, тоже есть элемент литературоведения; он позволяет вести с учащимися разговор о культурных и нравственных ценностях. Но основан он на непосредственной работе с конкретным источником. Такой подход можно условно назвать гуманистическим, потому что здесь объектом внимания литературы является человек.

Магнит показывает на север и на юг; от человека зависит избрать хороший или дурной путь жизни.

Хорошая книга всегда заставляет задуматься, понять что-то новое и важное для себя, помогает разобраться в человеческих отношениях. Вот только осуществлять такой подход к изучению литературы трудно. Возможно, поэтому в темах сочинений и возобладали старые подходы, испытывающие память учеников и их умение воспроизводить стандартные схемы. Почему именно стандартные? Да потому, что практика показывает: дети учителей-гуманистов могут обсуждать тонкости литературных произведений, способны получать удовольствие от чтения хорошей литературы, но редко пишут сочинения, которые удовлетворяют приёмные комиссии.

КОНВЕЙЕР БЕЗРАБОТНЫХ

В восьмидесятые годы мы с законной гордостью говорили, что «СССР — страна студентов». И действительно, получение высшего образования тогда было очень престижной и заманчивой целью. А обладатель заветного диплома чётко представлял, какое «место в рабочем строю» он займёт в соответствии со своей зачастую очень узкой специальностью. Затем в начале 90-х годов мы пережили короткий, но очень глубокий спад стремления молодёжи к высшему образованию. Действительно, тогда любой недоучившийся школьник зарабатывал в ларьке в десятки раз больше профессора. Во второй половине 90-х годов ситуация стала вновь меняться, а затем конкурсы в престижные вузы начали превосходить даже рекордные послевоенные.

Однако если взглянуть на всё происходящее без лучезарного умиления, то положение в современном высшем образовании далеко от идеала. На первый взгляд показатель числа студентов впечатляет. При «нормативе» 170 студентов на 10 000 населения в настоящее время в государственных вузах высшее образование получают 190 человек, а с учётом негосударственных вузов — 245. По этим показателям мы превзошли США. Если в Америке 65% выпускников школ поступают в вузы, то в современной России эта цифра составляет 76%. Однако эта статистика не должна вводить нас в заблуждение. Обратимся хотя бы к двум показателям. Сейчас 70% выпускников вузов работают не по своей специальности. Статистические данные говорят о явном перепроизводстве юристов, менеджеров, врачей и учителей. А вот если заглянуть в больницы и школы, то там явно не хватает молодёжи с высшим специальным образованием. Добавим к этому, что в сфере высшего образования интересная картина сложится в 2007 году, когда школу закончат 1 200 000 выпускников, а количество мест в готовых их принять вузах и техникумах рассчитано на 1 900 000 человек.

Мало ли тому в глаза, кто скажет, что можно обильно необильнее.

В этой связи самое время задуматься о направленности нашего образования и о том, насколько оно отвечает запросам и потребностям рынка труда. Как известно, работодатели — народ, не склонный к сантиментам. Тревожно обстоит дело с выпускниками профессионально-технических училищ. Сейчас 40% из их числа автоматически пополняют нестройные ряды безработных. Предприниматель по большому счёту вообще не заинтересован в том «профессиональном уровне», которым обладает выпускник училища. Даже руководитель московского департамента образования Любовь Кезина вынуждена была недавно публично признать, что выпускники ПТУ не в состоянии работать на современных станках. Их этому просто не учат. А вот работодатели готовы за два-три месяца дать молодым людям навыки, необходимые для освоения той или иной специальности. Зато большой интерес для предпринимателя представляют такие качества потенциальных работников, как трудовая дисциплина, ответственность, трезвый образ жизни и *здоровая самооценка*. Ведь не секрет, что сейчас молодёжь предъявляет требования по оплате своего труда, совершенно не соответствующие их квалификации.

В ещё более сложном положении оказались средние специальные учебные заведения. Их дипломы для современного рынка труда (пожалуй, кроме библиотекарей и медсестёр) ровным счётом ничего не значат. Следовательно, эти учебные заведения готовят специалистов в «никуда». В настоящее время диплом техникума или колледжа — это лишь хорошая возможность для поступления в вуз. Но и в высших учебных заведениях сегодня ситуация складывается достаточно сложно. Профессиональное высшее образование в стране не соответствует современному рынку труда ни по структуре, ни по содержанию. Но вот парадокс: чем хуже трудоустраиваются выпускники по какой-либо специальности, тем больше студентов набирают вузы.

Специалист подобен флюсу: полнота его околостроения.

Особенно удручающим оказывается положение, если проанализировать качественные показатели нашего высшего образования. По признанию ректора Высшей школы экономики при проведении мониторинга его поразили не столько факты взяточничества и уровень коррупции среди преподавателей, ведущих приёмные экзамены, сколько сами масштабы внутривузовских товарно-денежных отношений. Студенты, конечно, покупали не товары и даже не знания, а оценки на экзаменах и зачётах. По своим масштабам этот рынок в образовании оказался чуть ли не самым большим. Естественно, проще купить готовый диплом, но это небезопасно, а вот покупка оценок на экзаменах в розницу дороже, но надёжнее. Ведь поймать студента на этом мошенничестве очень трудно. Такому студенту за всё время обучения в вузе достаточно появиться только раз, чтобы узнать расценки и познакомиться с теми, у кого их можно будет уточнять. Если же подобрать себе доверенного человека, готового с твоей зачёткой и некоторой суммой денежных знаков обходить преподавателей, то до получения диплома в институте можно и не появляться. Уровень знаний и навыков таких «специалистов» нетрудно себе представить.

Очевидно, что в современном высшем образовании молодёжь интересуется не узкая специализация, которую традиционно дают технические вузы, а общее высшее образование. Иначе не объяснить устойчивое стремление молодых людей заполнять многочисленные педагогические учебные заведения, заканчивая которые, они заведомо обрекают себя на проигрышное материальное положение по сравнению с выпускниками технических вузов. Сейчас, по-видимому, для молодёжи важнее свобода маневра, возможность приложения своих знаний к широкому спектру областей, чем жёсткая привязка к конкретному рабочему месту. В данной связи показательны результаты опросов родителей выпускников школ. Притом что общее среднее образование потеряло свой самостоятельный смысл и рассматривается сегодня только как ступень в вуз, лишь 40% родителей выступают за профилизацию старшей ступени школы и углублённое изучение предметов. Для сравнения: 77% родителей ценят те коммуникативные навыки, которые прививает школа; 52% — знание иностранных языков; 50% — считает важным, что их дети овладевают практическими умениями. Может быть, правы западные экономисты, считающие, что поступление в вуз всё больше становится квалификационным экзаменом, а узкопрофессиональная подготовка теряет смысл? Но это означает, что вся образовательная система должна кардинально меняться, и если это не начнём делать мы, то процесс всё равно пойдёт, но будет проходить дольше и болезненней.

Пётр Бывальский, педагог